

Сказка Туве Янссон " Опасное лето " Глава двенадцатая

О премьере пьесы

Пока маленькая Хемулиха угощала гостей чаем у себя дома, театральные афиши продолжали кружиться над лесом. Одна из них спланировала на лесную полянку и прилипла к крыше, которую только что просмолили.

В тот же миг двадцать четыре малыша вскарабкались на крышу, чтобы подобрать листок. Каждый из них хотел первым вручить его Снусмумрику. А поскольку афиша была из тонкой бумаги, она тотчас превратилась в двадцать четыре клочка (а все, что осталось от нее, упало в трубу и сгорело).

– Тебе письмо! – визжали лесные малыши, скатываясь, прыгивая и съезжая с крыши.

– Морровы дети! – ворчал Снусмумрик, который стирал их чулки за домом. – Вы что, забыли, что мы утром просмолили крышу? Может, вы хотите, чтобы я ушел от вас, или бросился в море, или всех вас убил?

– Не хотим! – кричали малыши, дергая его за пиджак. – Прочти лучше письмо!

– Вы хотите сказать – прочти письма? – спросил Снусмумрик и вытер мыльную пену о волосы одного из малышей. – Ладно, ладно! Что там еще за таинственное письмо?

Он разложил на траве смятые клочки бумаги и попытался сложить вместе то, что осталось от афиши.

– Читай вслух! – закричали малыши.

– "Одноактная драма... – читал Снусмумрик. – "Невесты льва, или..." (здесь, кажется, не хватает кусочка)... входная плата–любая еда (ай–ай!)... сегодня вечером, когда зайдет солнц (солнце)... если не будет дождя и ветра (здесь все ясно)... ание... ать (нет, непонятно)... посреди залива Гранвикен..." Ну вот что, – сказал Снусмумрик и поднял глаза от письма. – Это, мои маленькие злодеи, не письмо, а театральная афиша. Ясно, что кто-то дает театральное представление сегодня вечером в заливе Гранвикен. Почему они устраивают спектакль на воде, знает лишь покровитель всех лесных зверюшек, но, может, по ходу действия им нужны волны.

– А малышам вход запрещен? – спросил самый младший.

– А лев всамделишный? – закричали другие. – Мы сразу туда пойдем?

Снусмумрик посмотрел на них и понял, что они непременно должны побывать в театре.

– Наверно, я смогу заплатить за нас горшочком бобов, – озабоченно рассуждал он. – Конечно, если этого будет достаточно... мы уже съели порядком. Лишь бы не подумали, что все двадцать четыре – мои собственные... а не то я засмущаюсь. И чем только я буду кормить их утром?

– Разве ты не рад тому, что пойдешь в театр? – спросил Снусмумрика самый младший и потерся носом о его брючину.

– Ужасно счастлив, шелковистая мордочка, – ответил Снусмумрик. – А сейчас мы попытаемся привести вас в порядок. Во всяком случае сделать почище. Платки у вас есть? Ведь мы идем на спектакль!

Никаких платков у них и в помине не было.

– Ну ничего, в крайнем случае можно сморкаться в подол рубашки или во что придется, – утешил малышей Снусмумрик.

Солнце уже опустилось почти до самого горизонта, когда Снусмумрик наконец справился со всеми платьцами и штанишками.

Конечно, на них еще виднелись остатки смолы, но по крайней мере было видно, что он старался вовсю.

Взволнованные и торжественные, отправились они к заливу Гранвикен.

Снусмумрик шел первым, прижав к груди горшочек бобов, а за ним парами следовали его лесные малыши, расчесанные на прямой пробор от бровей до самых хвостиков.

Малышка Мю сидела на шляпе Снусмумрика и распевала. Она завернулась в этикетку от кофе, так как к вечеру могло похолодать. По случаю премьеры у берега царило всеобщее оживление. Залив был битком набит лодками, все они направлялись к театру.

Самодеятельный оркестр хемулей играл на плоту у самой рампы, сиявшей огнями.

Был тихий, чудесный вечер.

За две горсти бобов Снусмумрик взял напрокат лодку и стал грести к театру.

– Мумрик! – окликнул его старший из малышей, когда они уже были на полпути.

– Что? – отозвался Снусмумрик.

– Мы приготовили тебе подарок, – сказал один из малышей, покраснев до корней волос.

Снусмумрик отдыхал на веслах, вынув изо рта трубку.

Старший из малышей, прятая подарок за спиной, достал что-то скомканное, неопределенного цвета.

– Это кисет для табака, – сказал он чуть слышно. – Мы все понемножку тайно вышивали его!

Снусмумрик взял кисет, заглянул в него (это была одна из старых шляпок Филифьонки), потом принял.

– Листья малины! – горделиво крикнул младший. – Их можно курить по воскресеньям!

– Великолепный кисет! – одобрительно сказал Снусмумрик. – И как приятно затянуться таким табачком в воскресенье!

Он пожал каждому малышу лапку и поблагодарил.

– Я не вышивала! – крикнула малышка Мю, сидя на шляпе Снусмумрика. – Но придумала это я!

Гребная лодка подплыла к рампе театра, и Мю удивленно наморщила носик.

– Неужели все театры такие? – спросила она.

– Наверно, – ответил Снусмумрик, – когда поднимается занавес, вы должны молчать. И не свалитесь за борт, если на сцене случится что-нибудь страшное. Когда все закончится, похлопайте лапками, так вы покажете, что спектакль вам понравился.

Малыши сидели не двигаясь и только таращили глазенки.

Снусмумрик с опаской поглядел по сторонам. Никто не смеялся над ним. Все взоры были прикованы к освещенному занавесу. Лишь пожилой хемуль подплыл к ним и сказал:

– Пожалуйста, заплатите за вход.

Снусмумрик протянул ему горшочек бобов.

– Это за всех? – спросил Хемуль и принялся пересчитывать малышей.

– Разве мало? – спросил обеспокоенный Снусмумрик.

– Я даже верну вам немного обратно, – сказал Хемуль и отсыпал плошку бобов Снусмумрику. – Справедливость – прежде всего!

Тут оркестр умолк, и все зааплодировали.

Потом все стихло.

В полной тишине за занавесом раздались три резких удара об пол.

– Мне страшно! – запищал самый маленький и схватил Снусмумрика за рукав пиджака.

– Ну-ну, держись за меня, и все обойдется, – подбодрил его Снусмумрик. – Видишь, они уже поднимают занавес.

Перед бесчисленными зрителями предстал скалистый ландшафт.

Справа сидела Мюмла в тюлевой юбочке, и на голове у нее был веночек из бумажных цветов.

Малышка Мю перегнулась через бортик шляпы и сказала:

– Провалиться мне сквозь землю, если это не моя старушка–сестрица!

– Разве ты в родстве с Мюмлой? – удивился Снусмумрик.

– Но я же все время болтала о своей сестре, – сказала Мю с обидой. – Ты, видно, совсем не слушал меня.

Снусмумрик глядел на сцену. Его трубка погасла. Он видел, как слева вышел на сцену Муми–папа и принялся декламировать стихи об уйме всяких родственников и о льве.

Тут вдруг малышка Мю прыгнула на колени к Снусмумрику и возмущенно закричала:

– Почему Муми–папа злиться на мою сестру? Он не смеет ругать мою сестру!

– Тише, тише! Это же пьеса! – рассеянно ответил Снусмумрик.

Он глядел на маленькую толстую дамочку в красном бархате, которая утверждала: она, мол, бесконечно счастлива, – хотя вид у нее был такой, будто у нее что-то болит.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Кто-то, кого он не знал, все время выкрикивал в глубине сцены: "О, роковая ночь!"

Снусмумрик еще более удивился, когда увидел, что на сцену выплыла Муми-мама.

"Что случилось с семейством муми-троллей? – подумал он. – Правда, они всегда что-нибудь придумывали, но это уж слишком! Теперь, чего доброго, выйдет на сцену Муми-тролль и начнет понемножку декламировать".

Но Муми-тролль не вышел. Зато на сцену высочил лев и зарычал.

Малыши закричали и чуть не свалились за борт.

– Чушь какая-то, – сказал Хемуль в полицейской фуражке, сидевший в соседней лодке. – Это совсем не похоже на ту красивую пьесу, которую я видел в молодости. О принцессе, уснувшей под кустом роз. Я даже не возьму в толк, о чем идет речь.

– Успокойтесь, успокойтесь! – утихомиривал Снусмумрик своих перепуганных малышей. – Ведь лев сделан из старого покрывала, которым застилают кровать!

Они не верили ему. Они видели, как лев гонялся за Мюмлой по всей сцене. Малышка Мю вопила во всю глотку.

– Спасите мою сестру! – кричала она. – Убейте льва!

Внезапно в отчаянии она прыгнула на сцену, подбежала ко льву и вонзила свои маленькие остренькие зубки в его заднюю лапу.

Лев закричал и развалился пополам.

Зрители увидели, как Мюмла подняла малышку Мю и та поцеловала ее в мордочку. И еще заметили, что уже никто больше не декламирует гекзаметром, а все говорят обычно. Против этого, конечно, публика не возражала, потому что наконец поняла, о чем идет речь в пьесе.

В ней говорилось о ком-то, кого унесла громадная волна, и о тех страшных приключениях, которые он пережил, прежде чем снова вернулся домой. И теперь все были вне себя от радости и собирались варить кофе.

– Вот теперь артисты играют гораздо лучше! – сказал Хемуль.

Снусмумрик принялся поднимать своих малышей на сцену.

– Здравствуй, Муми-мама! – весело кричал он. – Ты не можешь позаботиться о них ради меня?

Спектакль становился все веселее. Мало-помалу вся публика перебралась на сцену и приняла участие в спектакле, поедая свою входную плату, которая была расставлена на обеденном столе в гостиной.

Муми-мама, освободившись от обременявших ее юбок, бегала взад и вперед, разнося чашки с кофе.

Оркестр заиграл марш хемулей.

Муми-папа сиял, радуясь шумному успеху, а Миса была так же счастлива, как на генеральной репетиции.

Вдруг Муми-мама застыла посреди сцены и уронила чашку с кофе на пол.

– Он возвращается, – прошептала она.

И все смолкло вокруг.

Слабые удары весел слышались все ближе. Позвякивал маленький колокольчик.

– Мама! – закричал кто-то. – Папа! Я вернулся домой!

– Нет, невероятно, – сказал Хемуль. – Это же мои узники! Скорее хватайте их, пока они не сожгли весь театр.

Муми-мама бросилась к рампе. Она увидела, как Муми-тролль уронил весло в воду, разворачивая лодку. В замешательстве он пытался грести вторым веслом, но лодка кружилась на одном месте. На корме сидела маленькая худенькая Хемулиха с добрым лицом и что-то кричала, но что именно – никто не мог попятить.

– Спасайтесь! – закричала Муми-мама. – Спасайтесь! Полиция!

Она не знала, что такое натворил ее сын, но у нее не было сомнений в том, что она бы одобрила его поступок.

– Держите арестантов! – кричал Хемуль. – Они сожгли все таблички в парке и заставили Сторожа светиться!

Зрители сначала немного удивились, но потом поняли, что пьеса продолжается. Оставив кофейные чашки, они уселись на рампу, чтобы смотреть продолжение спектакля.

– Держите их! – в бешенстве кричал Хемуль.

Зрители зааплодировали.

– Погодите-ка, – спокойно прервал Хемуля Снусмумрик. – Здесь какое-то недоразумение. Ведь это я сорвал все таблички. А что, Сторож все еще светится?

Хемуль обернулся и впился глазами в Снусмумрика.

– Подумать только, как подешевела теперь жизнь у Сторожа, – болтал без тени смущения Снусмумрик, приближаясь к рампе. – Никаких тебе счетов за электричество. Теперь он может от себя самого зажигать трубку, а на голове варить яйца всмятку...

Хемуль не произнес ни слова. Он медленно приближался, широко расставив свои огромные лапы, чтобы схватить за волосы Снусмумрика. Вот он все ближе и ближе, вот он бросается вперед, и тут...

Вращающаяся сцена закружилась с невероятной быстротой. Они услышали, как засмеялась Эмма, но на этот раз она смеялась не презрительно, а победно и весело.

Все произошло так быстро, что зрителям было трудно уследить за событиями. Все потеряли равновесие и попадали друг на друга; сцена же продолжала вертеться вместе со всеми. А двадцать четыре лесных малыша набросились на Хемуля и вцепились в его полицейский мундир.

Снусмумрик, словно тигр, перепрыгнул рампу и очутился в одной из пустых лодок. Лодочку Муми-тролля опрокинуло набежавшей волной. Фрекен Снорк, Филифьонка и маленькая Хемулиха поплыли к театру.

– Bravo, bravo! Дакапо! [Бис! (Ит.).] – кричали зрители.

Как только Муми-тролль высунул мордочку из воды, он огляделся и поплыл в сторону лодки Снусмумрика.

– Эй, привет! – закричал он и схватился за борт лодки. – Я ужасно рад тебя видеть!

– Привет-привет! Забирайся в лодку, сейчас ты увидишь, как надо удирать от полицейских.

Муми-тролль взобрался в лодку, и Снусмумрик принялся грести изо всех сил; вода так и бурлила за бортом.

– Прощайте, детки, спасибо за помощь! – закричал Снусмумрик. – Будьте чисты, опрятны и не лазайте по крыше, пока не высохнет смола.

Хемулю наконец удалось выбраться с вращающейся сцены, высвободиться от лесных малышей и кричащих "ура!" зрителей, которые осыпали его цветами. Ругаясь, он уселся в лодку и пустился вдогонку за Снусмумриком.

Но он опоздал – Снусмумрик исчез в ночи. Все кругом стало тихо.

– Ах, вот оно что! Наконец-то ты явилась, – сдержанно произнесла Эмма и посмотрела на мокрую Филифьонку. – Но не думай, что театральным путем усыпан розами!